

Золотое сечение храма

Есть в старинном Переславле-Залесском Никольский женский монастырь. Ещё несколько лет назад были здесь развалины. И вот в середине девяностых затеплилась в Никольском жизнь: стали возвращаться послушницы, открылся приют для девочек. Потихоньку стали оживать и храм, и кельи. Над восстановлением святыни работает и Вячеслав Николаевич Ижиков, награждённый орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление святынь переславской земли. Несколько лет назад был он главным архитектором этого одного из красивейших городов Золотого кольца, много и успешно проектировал. Но случилась тяжёлая болезнь, приковавшая к инвалидному креслу. Однако он и ныне работает над главным храмом Никольского женского монастыря — собором святителя Николая Чудотворца.

— Почему именно Никольский собор, Вячеслав Николаевич?

— В середине девяностых владыка Анатолий стал открывать переславские монастыри — Никитский, Даниловский, наконец, Никольский. Раньше на месте Никольского монастыря были торговые склады, развалины, потом детская вспомогательная школа, которая, разорившись, превратила это место в свалку. Но, слава Богу, вернулись люди, творится молитва — всё возвращается на круги своя...

— Не могу не спросить: ведь не на средства же города ведётся столь мощное строительство?

— Нет, конечно. Бог послал нам человека, который даёт деньги. Кстати, приют для девочек тоже он построил.

— Имя его держится в тайне?

— Вовсе нет — это Тырышкин Виктор Иванович, генеральный директор одного из подмосковных строительных предприятий. Один из приделов Никольского собора будет освящён в честь его небесного покровителя... Он же финансирует реставрационные работы в монастыре, воссоздание иконостаса и киота в Благовещенской церкви.

— В каком статусе работаете здесь вы, Вячеслав Николаевич?

— В статусе инвалида. А если серьёзно, то настоятельница монастыря — матушка Евстолия сначала пригласила ходить на службы, потом обратилась с просьбой «поправить» Благовещенский храм — там по моему проекту восстановили кресты, барабаны, главы. После восстановления пятиглавия Благовещенского храма здесь развернулись серьёзные строительные и реставрационные работы: появилась хорошая ограда, звонницы, кельи, даже построен корпус детского приюта. И вот теперь для завершения прекрасного облика монастыря строится Никольский собор.

— Скажите, а как вообще возникает храм? Архитектор «видит» его в своём воображении или есть чертежи, старые планы?

— В архитектуре, как и в любом творчестве, есть и то и другое. Да, у меня были фотографии старого собора XVIII века. Из описаний монастыря известно, что Никольский собор закладывался ещё в XVII веке, но построили его только в XVIII веке, когда по воле Петра в архитектуре главенствовали западноевропейские формы. Если вы знаете, в это время всякое каменное строительство храмов вообще было прекращено везде, кроме Петербурга. А Никольский собор начал строиться во время петровских запретов и представлял собой приходской храм, по форме напоминающий европейскую базилику. В 30-е годы его взорвали.

— Что же сохранилось к середине девяностых?

— Практически ничего. Лишь части основания западного крыльца собора, несколько камней из фундамента. Пожалуй, и всё.

— Получается, пришлось не восстанавливать, а строить храм заново?

— Конечно. Единственное, к чему мы привязывались, это к алтарям. Как человеку даётся ангел-хранитель, так и престолу, когда он освящается, даётся свой ангел хранитель. И даже если престола уже нет, ангел остаётся...

Я начал измерять собор в 96-м году — в год тысячелетия строительства первого каменного храма — Успенского собора в Киеве. Когда Богородица благословляла греческих мастеров на это строительство, она дала его пропорции: 20 : 30 : 50. (Что зафиксировано в Киево-Печерском Патерике.) Эти цифры — 2-3-5 — начало так называемого ряда Фибоначчи, в котором каждое последующее число получается из суммы двух предыдущих. Чем дальше по этому ряду, тем ближе отношение двух рядом расположенных цифр к золотому сечению. Строя любой храм, архитектор стремится к золотому сечению.

Я измерял храм, пользуясь сакральными числами (сакральное число 7). И так, ширина получилась семь греческих саженей, семь саженей до карниза, шестнадцать саженей до креста ($1 + 6 = 7$).

— Интересно, вы шли от идеи или от законов архитектуры?

— От идеи. Она же — и закон, потому что по-другому просто ничего не измерится. В прошлом году мы выполняли проект реставрации храма XVII века в Чеховском районе Московской области. И там, представьте, было то же: 7 саженей ширина, 7 аршинов до карниза, 7 саженей длина. Это ещё раз убедило меня, что я на верном пути.

— Вы сомневались? Почему?

— Может, потому, что уже несколько лет прикован к этому креслу. У меня была опухоль, её неудачно прооперировали, и случился паралич нижних конечностей. Мне всем городом собирали деньги на лечение в Германии, где я познакомился с прекрасным врачом — вот видите, коробка — это он до сих пор мне присылает необходимые лекарства и приспособления...

— Состояние улучшается?

— Слава Богу, не ухудшается. Я ведь долгое время чертил в кровати, даже в кресло пересесть не мог.

— Известно, что нет на земле двух одинаковых церквей. Когда проектируете, вы учитываете, что новый храм не должен повторить ничего того, что уже было?

— Безусловно. В связи с этим был даже небольшой конфликт, когда меня просили повторить уже использованные проекты. Никогда этого не делал и не буду.

— Одна из последних ваших работ — великолепная часовня на краю города. Настолько прекрасная, что её, действительно, хочется повторить... Я слышала, московские архитекторы просили вас построить такую же в Шереметьево?

— Не совсем так. На Рождественской выставке при Патриархии были и мои проекты. Руководители подмосковной фирмы заинтересовались двумя: часовней, о которой вы говорите, и проектом храма Воскресения Христова в городе Дзержинске Нижегородской области. Скорее всего, они остановятся на последнем храме — он лучше вписывается в стиль и ландшафт Подмосковья.

— Архитектор — как поэт, музыкант, художник — всегда творец. А значит, стремится создать что-то новое. Раздольно мастеру, который проектирует коттедж или, скажем, детский сад. Но — храм? Существуют ли пределы творческой фантазии?

— Обязательно. Они заложены в канонах Православия. Основа проекта храма — это идея, символика, метрика, принцип золотого сечения. Пределы, говорите? Они, конечно, есть — и известны настоящему храмовому архитектору. Нельзя бесконечно искажать форму — уходит и искажается содержание. В Православии форма связана с содержанием, все элементы храма символичны. Ведь символы — это знаки соединения этого мира с потусторонним. Нельзя их попираť. Но это вовсе не означает, что архитектор «зажат» строгими рамками. Всегда остаётся поле для творчества.

— А что в архитектуре наиболее близко вам? Чем любуетесь?

— Часто смотрю на храм Василия Блаженного, на церковь Вознесения в Коломенском — на картинках, понятно. Но самый замечательный, по моему разумению, наш переславский Спасо-Преображенский собор, построенный ещё в XII веке.

— А мне кажется, большой собор подавляет человека. Вот вы, когда придумываете свои церкви, заботитесь ли о том, чтобы было там хорошо обычному грешному человеку?

— Я всё время об этом думаю, а когда проектирую, нахожусь как бы внутри храма. Я чувствую ответственность свою — ведь, строя храм, в конце концов закладываешь основу будущей духовной жизни.

— Скажите, Вячеслав Николаевич, а у вас есть мечта?

— Создать такой храм, в какой захотелось бы войти многим людям — и они бы туда вошли с благоговением. А дети наши привели бы в тот храм наших внуков.